

Николай РУССЕВ

Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии

Историографическая традиция, начало которой положили летописцы XV в., связывает появление Молдавского государства с освобождением Карпато-Днестровских земель от власти ордынцев. Сложнее обстоит дело с анализом региональных процессов во время политического господства Улуса Джучи. Между тем, характер отношений местного и пришлого населения в значительной мере обусловил дальнейшую судьбу тюркского элемента, довольно быстро ассимилированного в романоязычной среде. К сожалению, состояние базы источников не позволяет заниматься историческими реконструкциями широкого масштаба. Прежде необходимо освещение отдельных сюжетов и установление особенно важных фактов изучаемой эпохи. Именно детализация проблематики при одновременном накоплении позитивных знаний создаёт надежные предпосылки для перехода к более высокому уровню научного обобщения.

Первые столкновения населения Карпато-Дунайского региона с монголами датируются нашествием Батыя, после которого «с 1243 г. начался новый период истории, то есть сложилась новая расстановка сил и целей» (см. Гумилев 1989: 513) – возникла Золотая Орда. К этому времени относится несколько письменных свидетельств, касающихся жителей будущей Молдавии.

Персидский историк Рашид ад-дин (1247-1318) описал путь в Венгрию в 1241 г. войск известного монгольского полководца: «Бучек, пройдя по дороге Караулаг через горы, разбил те племена улаг. И оттуда он вошел в лес и горы Япрак-Так до пределов Мишелава и разбил неприятелей, ожидавших его там» (Тизенгаузен 1941: 38; Рашид ад-дин 1960: 44-45; Decei 1973: 104-120). Здесь «улаг» означает восточнороманское население Карпат, а за понятием «Караулаг» стоит значение «Черная Влахия». Оно эквивалентно греческому названию «Мавровлахия», которым византийцы именовали Молдавию XIV-XV вв. Определение «кара», по всей

вероятности, соответствует ордынским представлениям о цветовой символике. В них белый цвет ассоциировался с западом, синий или голубой – с востоком, красный – с югом, а черный – с севером. Восточные источники называют владения Бату и его наследников Ак-Ордой, то есть Белой Ордой, западной в числе подчиненных Чингисидам земель (Егоров 1985: 160). В том же контексте «Караулаг» надо понимать как «Северная Влахия», что фиксировало местоположение Молдавии в восточнороманском ареале расселения.

Еще одно важное свидетельство приводит Плано Карпини. Возвращаясь в 1247 г. в Европу, посланец папы Иннокентия IV к монгольскому хану повстречал направлявшуюся на восток делегацию. «При выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу (Aloha) и его товарищей. С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по Руссии. И все это русские князья» (Путешествия 1957: 82). Князь Aloha («волох»!?), как полагают, отнесен к числу «русских» по религии, поскольку все встреченные путешественником-католиком люди исповедовали православие (Brătianu 1991: 133-140; Spinei 1982: 189). Основанием для локализации земель загадочного князя является упоминание рядом с ним Романа, в котором видят сына Даниила. Самый западный из русских князей, как известно, правил в Галиче, распространяя свою власть вплоть до Киева (см. Крип'якевич 1984: 92-104). Земли князя Aloha естественно искать близ Галицкой Руси, у восточных склонов Карпат. Кстати, Роман и Aloha удивительно близки паре из молдавской летописи – «два брата Роман да Влахата» (СМЛ 1976: 55).

Другой отрывок сохранили египетские ученые-энциклопедисты Рукн ад-дин Бейбарс (1245-1325) и ан-Нувайри (1279-1332). Эти арабские авторы сообщают о походе монгольских военачальников Тунгуза и Таза в земли «валахов и русских» (Тизенгаузен 1884: 116-117, 159). Высказаны разные мнения, относящие рейд рубежа XIII-XIV вв. к двум странам (Параска 1981: 63-64) или к одной – Северной Молдавии, пограничной с западнорусскими территориями (Spinei 1982: 190 etc.). Однако специальное исследование арабских текстов указывает на одну «страну валахов и русских» – «билад авлак-ва-р-рус» (Коновалова 1991: 73-75, 91-92).

Эта реальность, по всей видимости, сложилась еще в домонгольский период. Известно, что еще в 1164 г. будущий император Андроник Комнин бежал в галицкие земли, но где-то на границе Галиции был схвачен «влахами» и возвращен в Византию (Никита

Хониат 1983: 15). Это часто цитируемое сообщение, пожалуй, отражает сложную взаимосвязь жизни двух групп населения на одной территории. Скорее всего, название «страна валахов и русских» не было сконструировано чуждедальными учеными, а звучало в повседневности. Его могли знать в дунайской Исаке, где в конце XIII в. обосновался пышный двор Ногая, поддерживавшего тесные связи с мамлюкскими султанами (см. Закиров 1966). При таком понимании топонима становится ясным и то, почему папский посланец, лично общавшийся с князем Aloha, считал его русским. В самом деле, на юго-западе Черновицкой области Украины с XIV в. археологически засвидетельствована «этнически смешанная полоса поселений, где рядом со славянскими возникали и волошские села». Судя по хронологии вещей, нельзя исключать и более ранней датировки этих селищ (Тимошук 1969: 137-138, 143-181). Очевидно, материалы первых десятилетий ордынского господства позволяют локализовать в Восточном Прикарпатье территориально-политическое образование с названиями «Караулаг» («Черная Влахия») и «Страна валахов и русских», закрепившимися в дипломатике византийской церкви XIV в. в формах «Мавровлахия», «Россовлахия» и «Молдославия» (Гюзелев 1994: 215-216, 227, 231-235; Коновалова 1991: 92).

Отношения с ордынцами проявляли политические структуры «Северной Влахии». Глава страны, лично привозивший дань монгольскому хану и именуемый «князем», сопоставим с русскими князьями, во всяком случае, в плане обязательств перед Ордой. Относительно спокойные периоды даннических отношений, как и в Восточной Европе, чередовались с годами жестоких военных вторжений. Вспышки агрессивности монголов обусловлены не только стремлением подавить волнения зависимого населения, но и внутренними неурядицами в Улусе Джучи. Так, «грабительский», по сообщениям источников, набег Тунгуза и Таза произошел в условиях борьбы за главенство в золотоордынских владениях (Тизенгаузен 1884: 116). О присутствии в регионе баскаков свидетельствует ряд характерных топонимов (см. Параска 1981: 34).

Представления о действительности второй половины XIII в. (Параска 1972: 175-190; 1981: 9-62 и др.; Spinei 1982: 157-203) могут быть дополнены. Славяно-молдавская летопись 1359-1504 гг. отмечала: «В лето Владислава коралевства воздвижеся на Угры брань от татарь, от князя Неймета с своих кочевий, с реки Прута и с реки Молдавы» (СМЛ 1976: 55). Вдоль рек отряды ордынцев проникали в лесистые предгорья, оружием подчиняя местных жителей или просто занимаясь грабежом.

Некоторые исторические легенды Буковины объединяют рассказы о борьбе с татарами и переселении Драгоша (см. Полевой 1985: 94-96). Например, правивший в Кымпулунге капитан Негря («Черный»), победив в кровопролитном сражении татар, отстроил разрушенный врагом город и выдал свою дочь замуж за Драгоша (Леженде 1975: 199-200). В другом рассказе жители Сирета и Сучавы направили послов с дорогими дарами к Драгошу в поисках защиты. Воеводе удалось «в короткое время очистить страну» от врагов, включая татар. В итоге по решению знати избавителя избрали господарем Молдавии, и он поселился в Сирете (Marian 1981: 34-36).

Независимо от даты прихода Драгоша (см. Параска 1981: 50-62; Полевой 1990: 17-21) ясно, что в Восточном Прикарпатье во второй половине XIII в. уже существовало политическое образование, находившееся в зависимости от монголов и периодически подвергавшееся нападениям с их стороны. Основную массу подчиненного населения региона составляли волохи и русины, различие в общественном статусе которых едва ли можно характеризовать как качественное. Структурообразующее значение обеих этнических групп отразило двойное наименование страны, на разных языках зафиксированное современниками.

Отношения с Золотой Ордой сохранялись примерно на одном уровне вплоть до середины XIV в. Затем в степях начались внутренние усобицы, позволившие населению Прикарпатья довольно быстро отбросить зависимость Улус Джучи. Система подчинения, очевидно, перестала существовать, хотя ордынцы по-прежнему рассматривали прикарпатские земли как объект для грабительских рейдов. Общее изменение ситуации произошло примерно со времени, которое по летописной традиции принято считать начальной точкой в становлении Молдавского государства – 1359 г. Записанная в эпоху Стефана Великого версия этого переломного события гласит: «И выбра из своей дружины себе мужа разумна именем Драгоша и назваша его себе господарем и воеводою. И оттоле начашася божиим произволением Молдавская земля» (СМЛ 1976: 57-58).

Григоре Уреке, написавший свое произведение в 1642-1647 гг., трактует это событие как «дескэликат» – буквально «спешивание». У него Драгош оказывается выборным предводителем «пастухов из Ардяля» (Уреке 1971: 60, 67). Главными источниками Григория Уреке были недошедший до нас «молдавский летописец» (Eșanu 1994: 11-43) и богатый фольклорный материал (Гацак, Рикман 1977: 203-216; Полевой 1990: 10-12). Переписчик Симион Даскэл сделал

в первоначальный текст летописи XVII в. вставку о встрече Драгоша со стариком Ецко. Охотники, убившие тура, по дыму костра вышли близ будущей столицы Сучавы на пасеку русского человека из польских владений. От Ецко Драгош и его спутники узнали, что «это место – пустынное и без хозяина». Вслед за тем их соплеменники из-за Карпат «обосновались сначала в предгорьях и расселились по Молдове вниз». Пасечник же привел «много русских» из «Земли Ляшской», и они поселились вверх по реке Сучава и по Сирету со стороны Ботошань (Уреке 1971: 65-66).

Археологи обнаружили в Кодрах центральной части Прутско-Днестровского междуречья селища с керамикой галицкого типа. Эти поселения, возможно, появились в XII в. в результате миграции из Юго-Западной Руси т.н. «галицких выгонцев». Судя по материальным остаткам, жизнь некоторых из них продолжалась до середины XIV в. (Быря 1969: 91-102). Кроме того, из массы керамических находок в Старом Орхее выделена еще одна группа гончарных изделий галицкого типа. Эта посуда, представленная значительным количеством характерных фрагментов, находит прямые аналогии на памятниках Рашков и Гореча. Галицкие горшки с прямыми отклоненными наружу венчиками и грубым штампованным в виде трех- и четырехугольников орнаментом, нанесенным косыми рядами на плечики сосудов, датированы второй половиной XIII – первой половиной XIV в. (Gorodenco 1999: 11).

Для объяснения своеобразия этноязыковой ситуации молдавский летописец обратился к фольклорному сюжету о встрече Драгоша с Ецко. Примечательно, что сложение волошко-русинского этнического облика региональной истории связано с временем, когда Восточное Прикарпатье находилось «во край татарских кочевнищ» (СМЛ 1976: 57-58). Такой состав населения явился важным фактором эпохи ликвидации господства Золотой Орды.

Не одно поколение исследователей начинает историю независимого Молдавского государства от Богдана I, правившего в 1359/1361-1365 гг., либо в 1361/1363-1367 гг. (ИМ-I 1987: 324, 370, 393; Gorovei 1973: 115, 120). Связь господя со славянами, на которую, возможно, указывает его имя, памятники письменности прямо не подтверждают. Согласно придворному хронисту венгерского короля Людовика I, «Богдан, воевода волохов из Марамуреша, собрав волохов того района, перешел в тайне в Землю Молдавии, которая была подчинена венгерской королевской короне, но из-за соседства татар давно оставленную жителями. И хотя ему многократно пришлось сражаться с войском самого короля, он одержал верх, число волохов, населяющих эту землю, намного

выросло, и она превратилась в королевство» Использование понятия «королевство» (*regnum*) показывает, что статусы Молдавии и Венгрии сравнивались (Spinei 1982: 313; Полевой 1985: 139-140; ИМ-I 1987: 324). Венгерская грамота 1365 г. отметила, что «пораженные дьяволом» воевода Богдан и его сыновья «тайно перешли из королевства нашего в указанную Землю нашу Молдавскую и пытаются ее удержать на позор нашему величеству». В этом документе «волохи» ни разу не упомянуты (DRH.C 1985: 398-400; DRH.D 1977: 80-83).

Разумеется, достижение независимости страной не являлось исключительной заслугой дружины Богдана I, который оказался в центре формирования государственной структуры «Земли Молдавской». Тем не менее, личный вклад господаря отразило еще одно название страны – «Богдания», равнозначное понятию «Молдавия», прежде всего в исламских странах. Успешное противостояние Венгерскому королевству было невозможно без мира на востоке. Есть основания для предположения о лояльных отношениях, а то и военном союзе Богдана с соседями-ордынцами (Руссев 1999: 390-393). Похоже, они первыми освоили наименование «Богдания».

Вероятным союзником Богдана было и русинское население, на участие которого в «дескэликате» указывает не только легенда о пасечнике Ецко. Косвенным свидетельством этому может служить имя господаря, четырежды упомянутое в грамоте 1365 г. – два раза в форме *Bokdan* и еще два – *Bakdan*. Именно безударный первый слог отличает восточнославянское произношение имени от южнославянского и восточнороманского вариантов звучания. Как русинский след можно рассматривать и топоним *Kuhnya* – название родового имения Богдана в том же документе (DRH.C 1985: 399; ср. DRH.D 1977: 80-81). Слово «кухня», по всей видимости, может служить лингвистическим индикатором русинско-польской интерференции (см. КЭС 1971: 230).

Так во второй половине XIV в. происходит выравнивание отношений до уровня паритетных. Волохи и русины, преодолевая противодействие венгров, создают свое государство в Восточном Прикарпатье. Равновесные роли двух этносов основывались не только на общности социально-политических задач, но и на единстве православных ценностей, проводником которых в крае была славяноязычная митрополия Галиции – Малой Руси (см. Крип'якевич 1984). Кроме того, в силу перемен, произошедших на западных окраинах Улуса Джучи, некоторые ордынские правители стали союзниками Богдана, способствуя восхождению «Богдании» к

независимости. Для осмысления этих трансформаций интересен рассказ Ибн Арабшаха (1388-1450) о судьбе одной из ордынских группировок эпохи Токтамыша: «Она ушла к румийцам и русским и, по своей злополучной участи и превратной судьбе своей, очутилась между христианами безбожниками и мусульманами пленниками. ...Имя этому отряду – Карабогдан» (Тизенгаузен 1884: 532). Именно на культурно-историческом стыке византийского («румийцы»), русского и ордынского ареалов появилась Молдавия.

В дальнейшем, главным образом на волошско-русинской основе, и формировалась социальная структура молдавского общества. Среди приближенных к господарю людей значатся Байко, Ходко, Пудко, в южнорусском происхождении их имен трудно усомниться. Грамоты господарей Молдавии 1384-1457 гг. содержат важную информацию о таких антропонимах. Наиболее распространенным в верхушке общества было христианское имя «Иоанн» – 88 человек. Однако бояр, названных календарной формой с производными, всего 26, носителями имени «Ион» с его вариантами было 36 бояр, а «Иван» – 22. Аналогичная картина складывается и при рассмотрении имени «Георгий», второго по популярности в Молдавии. Канонической формой этого антропонима названы только два человека из 56, тогда как обладателями имени «Журж» выступают 33, Юрий – 14, а Юга – 4 лица (см. DRH.A 1975, 1976. Подсчеты выпускников Высшей антропологической школы С. Раковицэ и Ж. Кроитор). Имена «Иван» и «Юрий» в обоих случаях охватывают 25 % людей. Это может означать, что не менее четверти молдавской знати представляли выходцы из русин. Действительно, рассмотренные славяноязычные грамоты, будучи памятниками деловой жизни государства, отмечены печатью «весьма ощутимого влияния южнорусских говоров» (Руссев 1978: 60-61). С другой стороны, исследование сельской ойконимики определило долю восточных славян в 26,5 % от всех жителей Молдавии первой четверти XV в. (Полевой 1979: 113. Табл. 9).

Наиболее бесправную социальную прослойку в Молдавии XV в. составляли татары, находившиеся вместе с цыганами на положении холопов. Многие из них носили уже христианские и даже молдавские по форме имена – «Оанчул», «Тодер», «Томас», «Штефан», хотя нередко сохранялись и тюркские – «Албаш», «Тула», «Мамай». Среди татар и цыган имя «Иоанн» зафиксировано во всех трех формах, но при этом из 8 его обладателей 6 звались Иванами (см. DRH.A 1975, 1976. Те же подсчеты). Так за короткое время социальная пирамида «перевернулась» – места у вершины заняли молдавские бояре, как правило, восточнороманского и

восточнославянского происхождения, а у подножья оказались не-свободные татары. В их положении при определенных обстоятельствах могли оказываться обездоленные русины и волохи.

Постепенно ведущей в развитии молдавской общественной системы становилась тенденция к унификации. Однако в разных социальных слоях этот процесс протекал своеобразно. Романско-славянский билингвизм, существовавший как массовое явление, стал себя изживать, сохраняясь только в виде отдельных территориальных очагов. В «верхушечной части» (двор, знать, административный аппарат, служители культа) двуязычие бытовало вплоть до XVI-XVII вв. (Борщ 1967: 57-61). Хотя молдовенизация отвергала инородную самобытность, нельзя не отметить, что в XV – начале XVI в. рост численности рядового населения страны за счет русинов оставался делом обычным. Одних из них приглашали как свободных поселенцев, других приводили силой, третьи сами искали покровительства господаря (ИС 1965: 50-51; 71-72; 87-88). Против традиционных церковных связей с западнорусскими землями выступил польский король, пытавшийся пресечь шпионаж в пользу соседей. Сигизмунд в 1511 г. потребовал рукополагать православных священников в Польше, поскольку «русинские попы ради возведения в сан, как у них принято, обращаются в Молдавию» (ИС 1965: 91). Тем не менее, миграции русинов в молдавские земли имели место и значительно позднее.

За четыре десятилетия – 1585-1623 гг. – учтено 13 славяноязычных грамот, которыми господари от Петра Хромого до Стефана Томши позволяли землевладельцам привлекать в свои имения иностранцев (DIR.A XVI-III: 288, 370-371; IV: 154-155; XVII-I: 31, 39, 77, 248; II: 8-9, 43-44; IV: 255-256, 257-258; V: 87, 198-199; МЭФ 1961: 141; ИС 1965: 260-261, 325). В семи документах, выданных господарем Еремией Могилой в 1597-1606 гг., новоприходцев освобождали от уплаты налогов на 3 года. Однако, известны случаи когда льготный срок составлял 1-2 года или, напротив, 5 лет. В грамотах использована формула: «Люди ... от иншии земли или русин, или москвитин, или мунтенин, или влах, или буди кто за языка будут, ... они да имают от нас слобождение: не робити нам ни жадной нашу работу, ни у воиско ходити... на три лету» (ИС 1965: 261).

Независимо от происхождения прибывавших поселенцев размещали в разных районах – от Сорокской волости на северо-востоке до Нижнего Припутья на юге. Русины упоминаются почти во всех грамотах (в 12 из 13), тогда как представители других народностей называются от 1 до 10 раз. Более того, в списке возмож-

ных переселенцев они значатся исключительно на 1-м или вдвое реже на 2-м месте. Конечно, появление таких стандартных фраз в дело-производстве Молдавии конца XVI – первой четверти XVII в. вовсе не случайное явление. Их смысл прямо отражал практику, принятую для освоения редко заселенных земель. Эта проблема была острее на востоке страны, где, как это говорится в тех же документах, существовала постоянная опасность набегов язычников-татар (DIR.A XVII-IV: 255-256).

Языковую ситуацию в 1620 г. характеризует «правдивая информация о Молдавии» доктора философии Джованни-Батиста Малби (1596-1646), служившего секретарем господаря. Он писал, что среди православных жителей бытует «ломаный латинский, итальянский и русский язык» (CS-IV 1972: 438-439). В отчете 1641 г. минорит из Болгарии Петр Богдан Бакшич писал о молдавских священниках и их прихожанах: «Мало кто из них, если вообще кто-либо, в состоянии понять то, что читает, поскольку читает на сербском (=славянском) языке, который не знает, и поэтому не понимают ни они, ни те, кто их слушает в церкви» (CS-V 1973: 225). Через несколько десятилетий Эразм Генрих Шнайдер фон Вайсмантель утверждал, что основу красивого молдавского языка составили итальянский и французский, а также латынь. Затем путешественник добавил: «Остальное взято у русских». По его наблюдениям, молитвы простонародью не были известны. Люди в массе, многократно крестясь перед иконами, «не говорят ничего, кроме русских слов: Господи, помилуй». Большинство верующих не могли объяснить даже этих слов, но «Христос воскрес» и «Воистину воскрес» они произносили тоже по-русски (CS- VIII 1983: 348, 353-354).

Путешественники отметили не только следы уходящего в прошлое значительного восточнославянского влияния. Венгерский иезуит Павел Беке в 1644 г. отметил в числе 10000 разноплеменных молдавских куртян и русских (CS-V 1973: 280). Спустя два года босниец-католик Марко Бандини зафиксировал среди жителей страны немалое количество «рутенгов», которых он отличал от «московитов» (CS-V 1973: 328). Показательно, что Яссах в XVII в. существовала русская улица (Мохов 1964: 239). Но этот факт не являлся исключительной особенностью столичного города. К востоку от Прута в Лапушне – таможенном и административном центре Молдавии XV-XVII вв. всего полстолетия назад бытовал микротопоним «русская сторона» (Рикман 1954: 91).

Сведения о значительности доли русского населения в стране привел и умерший в 1647 г. Григоре Уреке. Он утверждал: из жи-

телей Молдавии «почти треть говорит по-русски». В трактовке летописца такая ситуация сложилась вследствие угона еще в 1498 г. Стефаном Великим из Подолья и Галицкой земли более 100 тыс. человек (Уреке 1971: 110-111). Эту характеристику дополнил Мирон Костин, нарисовавший в стихотворной форме этническую карту второй половины XVII в. На ней русины занимали «Черновцы, Хотин и всю область Днестра, цинуты Орхей, Сорока и на Пруте половину цинута Ясс, а также половину цинута Сучавы» (см. Полевой 1979: 112). Эти люди названы потомками жителей Покутья и Подолья, расселенных здесь легендарным Драгошем.

Димитрий Кантемир не только отличал русское население от предков украинцев, которых он именовал «казаками», но и утверждал, что русские в молдавских землях, подобно венграм, «обречены на постоянную неволю». Подразумевалась «вечиния» (от «вечин» – сосед) – крепостное состояние, порожденное якобы насильственными переселениями из соседних стран, в частности, из польских пределов. Частью эти люди к XVIII в. забыли родной язык и усвоили молдавский, а другие, особенно в пограничных районах на севере страны, сохраняли рутенский говор (Кантемир 1973: 147-150). Однако «Описание Молдавии» содержит сведения, противоречащие сообщению о несвободном положении русских. В частности, среди трех районов страны, которые «являются как бы отдельными государствами», назван Кымпулунг. Здесь, в высокогорной местности, находились 15 селений овцеводов, пользовавшихся «своими собственными законами и судами». Когда обитатели гор не могли найти общий язык с господарем, они «принимали покровительство поляков». Показательно, что автор повествует о двух Кымпулунгах: Молдавском и Русском, а также использует понятие «Рутенская провинция Кымпулунг» (Кантемир 1973: 7, 38, 151-152).

Столь же неоднозначна информация Димитрия Кантемира о татарах. С одной стороны, из его слов следует, что молдаване «считают своим святым долгом убить турка или татарина» и не воспринимают их в качестве людей. С другой стороны, говорится о крещеных отпрысках «знатных татарских родов», которые в Молдавии «были допущены к гражданской, военной и государственной службе» (Кантемир 1973: 140, 155, 157).

Можно видеть, что ко времени установления фанариотского господства в стране оформились жесткие барьеры на пути социальной адаптации разных этнических и конфессиональных общин. Вместе с тем, молдавское общество предлагало и правила вхожде-

ния в высшие круги. Впрочем, они имели значение, прежде всего, для отдельных личностей или небольших групп, в оценке которых преобладали другие качественные параметры (например, профессиональные достоинства).

* * *

Даже неполный обзор материалов о месте трех этнических групп в судьбе Карпато-Днестровских земель эпохи средневековья показывает сложность и противоречивость их общей истории. Если во второй половине XIV в. волошские и русинские структуры становятся формообразующими для молдавской государственности, то некогда ведущий ордынский фактор поэтапно низводится почти до нуля. Полная интеграция верхушки проходила в условиях одновременного упадка господарской власти и роста зависимости от Османской империи. Когда потомственное боярство стало главенствующей силой, в сознании молдаван татары превратились в откровенно враждебную силу, а массе укоренившихся, но избежавших ассимиляции русских отвели самый низкий социальный статус. Судя по всему, достижение высокого общественного положения с XVII в. стало невозможным без отказа от этнической идентичности. Конечно, действительность была разнообразнее, хотя бы потому, что обе тенденции не нашли полной реализации. Однако именно их действие способствовало сохранению в Молдавии потомков древнего русинского населения и исчезновению татар.

ЛИТЕРАТУРА

Борщ А.Т. 1967. Старославянский язык как компонент славяно-романского двуязычия // Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Часть II. Кишинев. С. 56-64.

Быря П.П. 1969. К вопросу о керамике галицкого типа на территории Молдавии // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. С. 91-102.

Гацак В.М., Рикман Э.А. 1977. Легенда о Драгоше и отражение в ней средневековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье // Этническая история и фольклор. Москва. С. 203-216.

Гумилев Л.Н. 1989. Древняя Русь и Великая степь. Москва

Гюзелев В. 1994. Извори за средновековната история на България (VII-XV вв.) в австрийските ръкописни сбирки и архиви. Т. 1. София.

Егоров В.Л. 1985. Историческая география Золотой Орды. Москва.

- Закиров С. 1966. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). Москва.
- ИМ- I 1987. – История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев.
- ИС 1965. – Исторические связи народов СССР и Румынии. Документы и материалы. Т. I (1408-1632). Москва.
- Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.
- Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII-XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1990 год. Москва. С. 5-115.
- Крип'якевич І.П. 1984. Галицько-Волинське князівство. Київ.
- КЭС 1971. – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Москва.
- Леженде 1975. – Леженде, традиций ши повестирь орале молдовенешть. Кишинэу.
- Мохов Н.А. 1964. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев.
- МЭФ 1961. - Молдавия в эпоху феодализма. Т. 1. Кишинев.
- Никита Хониат.1983. История // Гръцки извори за българската история. Т. XI. София. С. 7-93.
- Параска П.Ф. 1972. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев. С. 175-190.
- Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1985. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1990. «...и с того времени началась Земля Молдавская». Кишинев.
- Путешествия 1957. - Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Москва.
- Рашид-ад-дин, 1960. Сборник летописей. Т. II. Москва-Ленинград.
- Рикман Э.А. 1955. Разведывательные раскопки в селе Лапушна в 1953 г. // Известия Молдавского филиала АН СССР. № 6 (20). С. 91-98.
- Руссев Е.М. 1978. Истоки молдавско-славянских культурных связей // Очерки молдавско-русско-украинских литературных связей (С древнейших времен до середины XIX века). Кишинев. С. 57-87.
- Руссев Н.Д. 1999. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов. // Stratum plus. № 5. С. 379-407.
- СМЛ 1976. – Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. Москва.

Тизенгаузен В.Г. 1884, 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений. Москва-Ленинград.

Тимошук Б. 1969. Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород.

Уреке Г. 1971. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу.

Brătianu G.I. 1991. Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești. Chișinău.

CS – Călători străini despre Țările Române. București. Vol. III. 1970; IV. 1972; V. 1973; VIII. 1983.

Decei A. 1973. L'invasion de tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djami' ot-Tevarikh de Fäzl ol-lah Rășid od-Din // RRH. T. XII. Nr. 1. P. 104-120.

DIR.A – Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacul XVI. Vol. III (1571-1590). 1951; IV (1591-1600). 1952; Veacul XVII. Vol. I (1601-1605). 1952; II (1606-1610). 1953; IV (1616-1620). 1956; V (1621-1625). 1957. București.

DRH.A 1975, 1976. – Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I (1384-1448); Vol. II (1449-1486). București.

DRH.C 1985. – Documenta Romaniae Historica. C. Transilvania. Vol. XII (1361-1365). București.

DRH.D 1977. – Documenta Romaniae Historica. D. Relații între țările române. Vol. I (1222-1456). București.

Eșanu A. 1994. «Întemeierea» Statului Moldovenesc (Interpretări și comentarii după «Letopisețul Țării Moldovei» de Grigore Ureche) // Evul mediu timpuriu în Moldova (probleme de istoriografie și istorie urbană). Chișinău. P.11-43.

Gorodenco A. 1999. Ceramica locala de la Orheiul Vechi în secolele XIV-XVI. Iași.

Gorovei Șt.S. 1973. Îndreptări cronologice la istoria Moldovei din veacul al XV-lea // АИИХ. Т. X. P. 99-123.

Marian S.Fl. 1981. Legende istorice din Bucovina.Iași.

Spinei V. 1982. Moldova în secolele XI-XIV. București.